

В.И. Коровин

Творчество М.Ю. Лермонтова (1814–1841) [Лирика]

Юный Лермонтов был воспитан на литературе романтизма. Когда ему исполнилось 14 лет и он написал первое свое стихотворение, дошедшее до нас, романтизм стал уже достоянием каждого из малоизвестных поэтов, которые на все лады повторяли мотивы, темы, образы, стиль Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского. Сюда надо отнести и подражателей европейских романтиков. Лермонтов читал как Байрона, Андре Шенье, Жуковского, Батюшкова, Пушкина и других, так и сочинения их подражателей. Лермонтова-мальчика они привлекли грандиозностью образов, искусственной остротой и напряженностью переживаний. Он увидел, что герои романтических произведений предъявляют огромные требования к жизни, что они мнят себя избранными личностями, призванными осчастливить мир.

Лермонтов доверчиво и всерьез принимает эти романтические идеи. Он чувствует себя героем, который бросает вызов враждебному миру и жаждет победы над ним. Он строит свою внутреннюю жизнь в соответствии с романтическими представлениями, вычитанными из книг, и такой освещает ее в лирической исповеди. Лермонтов жаждет жить так, как велят ему романтические книжные мечты.

Факты собственной биографии напоминали Лермонтову, что он «избранник», человек загадочный, «странный», что ему дарована особая жизненная доля, что он герой, призванный разрешить коренные вопросы устройства мира. Готовя себя к исключительной, избраннической судьбе, он предчувствует путь страданий, жертвенности, но это не останавливает его.

Однако Лермонтову не удалось романтические книжные мечтания претворить в жизнь. Поэтому в его творчестве отложился трагический опыт героической личности, которая вследствие исторических обстоятельств и условий не смогла осуществить свое человеческое предназначение. Юноша герой, исповедующий романтизм, наделен у Лермонтова условно-книжными приметами: он избранник судьбы, сын рока, у него уже есть трагические воспоминания, на его челе лежит «печать страстей», он «свободы друг», «природы сын», но также — холодный, разочарованный демон. Вот этот опыт претворения типовых примет в личные, опыт слияния общеромантического, книжного, с неповторимой, оригинальной личностью, стал несомненным новаторством юного Лермонтова.

Книжные романтические представления проверяются жизнью и становятся достоянием личности Лермонтова-романтика. Лермонтов хотел бы видеть мир, как и обещали романтики, гармоничным и совершенным, в котором земное слито с небесным, духовное с природным, где все полно отрады, красоты, покоя. Этот «естественный», как его называют, мир, не знающий противоречий, конфликтов и контрастов, населен «чистейшими, лучшими существами». О нем поэту напоминают песня матери, природа, ребенок, дружеская улыбка, любовь и нежное участие женщины.

Поэт жаждал света, простоты и сердечности, но в современном ему обществе его всюду подстерегали обман, клевета, порок. Нищему, пользуясь его слепотой, кладут в протянутую руку вместо хлеба камень, возлюбленная почти открыто смеется над пламенными чувствами юноши, друг клеветает на него. В огромном человеческом мире ничтожество представляется геройством, нравственное уродство выдается за моральное достоинство, а рабское молчание — за смелость.

Между поэтом и жестокой действительностью, которая извращала и уничтожала самые возвышенные чувства, сложились враждебные отношения. Конфликт поэта с миропорядком был чреват трагедией.

Личность одинока и погружена в себя. Если Жуковский связывал человека с миром хотя бы в вечной жизни, если Пушкин вписывал его в национальную и мировую историю и тем утверждал его единство с миром, если Баратынский полагал, что одиночество человека — предопределенный свыше удел, но что власть поэтического слова способна восстановить разорванные между человеком и обществом нити, то Лермонтов договаривает за них суровую истину: мир враждебен человеку, а человек желает абсолютной свободы, в том числе и от общества. Перед мысленным взором Лермонтова раскрылась распавшаяся связь времен. Сознание этого обстоятельства порождало чувство исторической обреченности, усугубляло вселенский масштаб отрицания, вражду со «светом», с «толпой» и даже с Богом, которого Лермонтов чтит, но в то же время упрекает за то, что Тот создал мир, где попираются добро и справедливость.

Отсюда следует, что Лермонтов не мог уже удовлетвориться ни мечтами Жуковского, ни надеждами Пушкина.

Сравнивая время Пушкина и время Лермонтова, Белинский писал:

«Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, ледяют сердце... Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия — совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества».

Творчество Лермонтова определило послепушкинский этап русской поэзии и отразило важный сдвиг в общественном сознании передовой дворянской интеллигенции, которая не мирилась с отсутствием духовной и политической свободы, но после поражения декабристов была лишена возможности открытой борьбы. Русский дворянин, ощущал себя независимой личностью, права которой, однако, были попораны властью.

Права личности стали для Лермонтова единственным критерием оценки действительности, причем права абсолютные, не знающие никаких преград, кроме тех, какие человек, будучи гуманным существом, согласует со своей совестью. Пафос, то есть идейно-эмоциональное наполнение, поэзии Лермонтова заключается, как писал Белинский, «в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности». Поскольку существующий порядок отрицал достоинство личности, то ее нравственной обязанностью стало неприятие враждебного ей общества. Так возник гордый романтический протест личности, принимавший формы то героического и мятежного вольнолюбия, то разрушительного и мстительного демонизма.

Лермонтовское отрицание распространялось на все области жизни — от быта до космоса, а в распрю поэта с миром втягивались не только люди, но явления природы — звезды, небо, волны и силы рая и ада.

Лирический образ ранних стихотворений Лермонтова предстает в противоречии между героической натурой, жаждущей свободы, света, активной деятельности, и реальным положением этой героической личности в обществе, которое не нуждается в его подвигах. Мечты юного Лермонтова о гражданском деянии, о «славе» («За дело общее, быть может, я паду...», «Я грудью шел вперед, я жертвовал собой...», «И Байрона достигнуть я б хотел...», «Я рожден, чтоб целый мир был зритель Торжества иль гибели моей...»), желание испытать судьбу роднят его с поэтами-декабристами, с мятежными и гордыми персонажами романтизма. Однако никто не требует от поэта и его лирического героя отваги, его жертвенная самоотдача выглядит ненужной и напрасной. Так появляется тема неосуществленного порыва. Лирический герой чувствует в себе необъятные силы и в то же время понимает, что жизнь его протекает «без цели», что он «чужд всему». Несовпадение между богатейшими возможностями героя и неосуществимостью этих возможностей порождает трезвый, бесстрашный взгляд на окружающую действительность. В центре лирики оказывается не событие, а момент непрерывного размышления, момент

внутренней жизни, непрерывного самоанализа. Но так как душевные порывы никогда не находят продолжения в поступке, в действии, то они превращаются в проклятие и мучение обреченной на бездействие героической личности.

Свидетельством тому, что духовная активность героя не находит применения в жизни, всегда выступает безнадежная, нереализованная любовь. В стихотворении «К*» («Я не унижусь пред тобою...») лирический герой полон самоотверженной и горячей любви, он готов откликнуться на чувства возлюбленной всей душой:

И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней...
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!

Но все безмерные жертвы оказываются напрасными — герой узнал лишь «коварную измену», он остается гордым и одиноким, свободным и вновь готовым к любовному порыву. Так рождается святое романтическое беспокойство, которому чуждо все устоявшееся, застойное, косное. Кроме того, лирическому герою необходимо неограниченное пространство, он пребывает везде — на небе и на земле.

Герой Лермонтова угнетен тем, что он принужден жить в замкнутом пространстве — в келье, в крепости. Он мечтает о минувших героических временах, а жить принужден в нынешнее пошлое, мелкое время. Так или иначе, лирический герой неудовлетворен всем — и спокойствием, и волнением. Примером тому, как безграничны запросы романтического героя Лермонтова, может служить его раннее стихотворение «Парус» (1832). Внешне стихотворение напоминает простую пейзажную зарисовку, весьма незамысловатую. Но на фоне природных образов и через них проступает философский смысл стихотворения. Поэт свободно сталкивает разные по времени состояния природы — бурю и покой. Морская стихия не может одновременно и в одном месте быть покойной, умиротворенной и бушующей, бурной.

Первые строки «Паруса» выглядят так:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..

Образ моря — пространственной безбрежности — контрастен одинокому парусу, затерянному в нем. На этом фоне возникают тревожные вопросы, углубляющие контраст:

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Стихам «Играют волны — ветер свищет, И мачта гнется и скрипит...» соответствуют строки, в которых выражено иное и по времени, и по существу состояние стихии:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Парус помещен теперь между небом и морем, и этот контраст также проведен последовательно и закреплен в антитезах («под ним» — «над ним»). Столь же явно противопоставлены пятая и шестая строки:

Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Они непосредственно связывают второе четверостишие с первым:

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Менее очевидный контраст заключен внутри второго и третьего четверостиший. По мнению поэта, счастье достигается только в результате действия, но «парус» «счастья не ищет, И не от счастья бежит!». Точно так же умиротворенное состояние природы побуждает его «просить» бури. И здесь проявляется внутренний конфликт между стихией и человеческим сознанием. Природа живет по собственным законам, по своей воле, но эта воля не совпадает с волей человека. Противопоставление «моря» и «паруса» символизирует противоречие между жизнью вообще и человеческой личностью, брошенной в ее волны.

«Парус» всецело зависит от игры морской стихии. Он подчиняется ее капризам: когда разыгрывается буря, «мачта гнется и скрипит...», а когда море спокойно, то и «парус» пребывает в состоянии покоя. Но каждый раз состояние стихии и «желание» «паруса» решительно не совпадают: он не находит удовлетворения в буре; когда «играют волны» и «ветер свищет», он ждет покоя, когда на море штиль, он «просит» бури. Так возникает характерное для романтизма противопоставление природных образов, символизирующих состояние человеческой души. Чувства романтика оказываются вечно раздвоенными, и они не могут находиться в равновесии, романтик всегда разочарован. Покой для него так же тягостен, как и буря.

Стихотворение «Парус» характерно для раннего Лермонтова и для позднего лермонтовского романтизма. Во-первых, стихотворение аналитично. В нем развернут самоанализ, данный в символической картине. Это придает ранней лирике философичность. Во-вторых, Лермонтов мыслит поэтическими контрастами, антитезами. Главные из них — покой и деятельность, добро и зло, счастье и страдание, свобода и неволя, земное и небесное, «я» и окружающий внешний мир. В-третьих, поэт жаждет цельных и притом естественных чувств.

<...>

В зрелую пору Лермонтов вступил с такими произведениями, как «Смерть Поэта» и «Бородино». Оба были написаны в 1837 году. Одно из них было напечатано («Бородино»), а другое («Смерть Поэта») мгновенно распространилось в списках.

Стихотворение «Смерть Поэта» написано сразу после кончины Пушкина. Оно представляет собой лирический монолог, в котором гневная речь поэта-оратора состоит из резко меняющихся по своей ритмике и настроению отрывков. С одной стороны — это возвышенная, декламационная лексика, восходящая к жанру оды, а с другой — плавная задумчивая речь с размышлениями, сожалениями, обычная в элегии. С одной стороны — обличительные эпитеты, броские и негодующие:

Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

С другой — чисто элегические слова и образы:

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

Гневная инвектива (обличение) сменяется рассказом («Его убийца хладнокровно...»), затем элегическим размышлением, затем снова ораторской речью, элегией и опять декламацией («А вы, надменные потомки...»). Все это передает нервное напряжение и страстное негодование молодого, но уже повзрослевшего Лермонтова. Он писал не столько о Пушкине-человеке и Пушкине-поэте, сколько о Поэте-избраннике.

Поэтому лермонтовская образность восходит к классическим образцам всей предшествовавшей русской поэзии. Все это придает «Смерти Поэта» романтическую приподнятость, высокую степень обобщенности. Конфликт Поэта с окружающим миром выглядит трагически неразрешимым.

В «Смерти Поэта» Лермонтов контрастно противопоставил «дружбу простодушную» и «завистливый свет».

Вспоминая о Бородинском сражении, Лермонтов пишет стихотворение от лица простосердечного участника битвы, человека из простого народа. Мысль стихотворения как раз и состоит в том, чтобы нынешним, жалким и тусклым, временам противопоставить времена уже прошедшие, людей полных уверенности в своих силах:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Эта немудрящая мысль, вложенная в уста старого солдата, звучит вполне обыденно. Но Лермонтов придает этой мысли особое значение.

Вам не видать таких сражений!..

Это противопоставление прошлого и настоящего проходит и через другие произведения, организуя лермонтовскую лирику в целом. На одном полюсе — цельные натуры, сильные страсти, на другом — слабые, малодушные люди, бледные чувства, безысходные мысли.

Каждая законченная в смысловом и интонационном отношении часть не вмещает всего авторского замысла, как бы разрывая его рамки.

Поэтическая мысль стихотворения развивается от элегии к «высокой» сатире, насыщенной горькой и скорбной иронией. Эта ирония подчеркивает трагизм ситуации и ее безысходность. Нетрудно заметить, что сложность лермонтовской позиции в «Думе» заключается в том, что он осуждает поколение, не отделяя от него себя.

Знаменитая элегия «Дума» прозвучала сухим реквиемом потерянному поколению 1830-х. Лермонтов стремился сохранить здесь сдержанную сосредоточенность, но за этой сдержанностью чувствуется, что поэт исполнен негодования, которое временами вырывается наружу: «постыдно равнодушны», «позорно-малодушны», «презренные рабы». Внутри единой поэтической мысли живет напряженный конфликт:

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Такой характер обнажения поэтической мысли приводит к противоречию: Лермонтов чувствовал, что и он заражен неверием в лучшее, что и его чувства охладели, что и он не испытывает надежды на счастье. В другом стихотворении — «И скучно и грустно» — он писал:

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Лирический герой Лермонтова чувствует на себе давление враждебной действительности и непосредственно откликается на него. В стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» Лермонтов сталкивает мечту и шум маскарада. Обычно в романтической лирике герой независим от маскарадного мира, в котором истина спрятана под маской. Так и здесь, герой внутренне далек от маскарада («Когда касаются холодных рук моих...»), «Наружно погружаясь в их блеск и суету...»), он сохраняет самостоятельность, но в то же время не может вырваться из «светской» суеты. И тогда мысленно он уходит в свою мечту. По контрасту с блестящим маскарадным миром мечта поэта и образы, встающие перед ним, оказываются внешне невыразительными: запустение («...сад с разрушенной теплицей...»), «Зеленой сетью трав подернут спящий пруд...»), покой, тишина. Но одновременно здесь царят вольная жизнь, чистота помыслов и чувств. Герой видит себя ребенком, он как бы возвращается к естественному и не затронутому цивилизацией простому сознанию. Описание окрашивается в идиллические тона, связанные с воспоминанием о патриархально-поместном быте.

Одновременно Лермонтов дает почувствовать, что мечта никогда не станет явью, что идиллия — в прошлом. Более того, «старинная мечта» скована бездушным миром, который и разрушает ее («И шум толпы людской спугнет мою мечту...»).

Противоречие между мечтой и реальностью образует трагическую коллизию в душе поэта. Она воплощена в итоговом образе «свежего островка» «среди морей». «Свежий островок» окружен изменчивой стихией морей и одинок в их пустыне. Образ морской стихии уподобляется жизненной буре, которая грозит «старинной мечте». Людская «толпа» грубо вмешивается во внутренний мир героя, превращает идиллическую картину, в которую он уже поверил, в «обман». В ответ на крах мечты, на гибель идиллии в герое вспыхивает гнев, и он готов дерзко мстить толпе:

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

В стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» уже заключен мотив бессилия. Не властный сохранить «старинную мечту» и воплотить ее наяву, герой способен лишь на дерзкий порыв. Его сердце уже схвачено ледяным холодом «большого света», и теперь Лермонтов, скорее, не бросается в бой, как это было в ранней лирике, а лишь защищается, смиряясь и уповая на Бога, доверчиво предаваясь течению времени. Но основные свойства лермонтовского героя остались прежними. Он одинок и затерян в «пустыне мира», где нет ни одной «родной души». Он хочет гармонии с миром и, даже устремляясь к смерти, надеется на деятельную жизнь.

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» лирический герой изображен на фоне ночной вселенной. Космос, Вселенная и Человек — вот «действующие лица» стихотворения. Все в мире одушевлено, все Живо, все гармонично. Между Богом и Вселенной нет конфликтов («Пустыня внемлет Богу...»), между явлениями природного мира царит согласие («И звезда с звездой говорит»), небо и земля полны жизненных сил и красоты («В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом...»).

Лирический герой помещен между небом и землей. Он вышел не просто на дорогу, а на вселенскую, символическую дорогу. Его путь устремлен не только вдаль, но и ввысь. Гармония в природе оттеняет дисгармонию в душе человека. Вслед за торжественной картиной ночного «сна» вселенной сразу возникают тревожные вопросы, обращенные лирическим героем к себе:

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

После них следуют печальные и трагические ответы:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Казалось бы, герой не может преодолеть душевного разлада и чувствует бессмысленность каких-либо ожиданий и порывов. Так возникает тема отрешенности от земной жизни, желание порвать всякие связи с ней и скорбное сознание того, что обрести «свободу и покой» он может лишь ценой забвения и могильного покоя («забыться и заснуть»). Однако лирический герой вовсе не хочет умирать. Следующее четверостишие опровергает предыдущую строфу:

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...

Оказывается, лирический герой не только противопоставляет свое состояние состоянию природы, но и желает для себя такой же гармонии, какую он видит в ней.

«Сон» природы тих, полон блаженства, внутреннего достоинства и величия. Идеалом героя вновь провозглашается гармония, а не смерть. Свобода достигается слиянием с естественным миром, с природой. Сам идеальный «сон» мыслится не во вселенских, а в земных образах, возвращающих героя на грешную землю:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Таким образом, идеальные мотивы не угасли и не ушли из лирики Лермонтова. Как бы ни были беспощадны его проклятия враждебному миру, он всегда готов стряхнуть со своих плеч земные тяготы, неверие, сомнения.

Свои надежды Лермонтов связывал с людьми разных сословий — и с дворянами, и с крестьянами. Важно было только одно: чтобы они отличались простотой, искренностью, чтобы в них было как можно больше естественных природных свойств, а не заимствованных в «свете».

Эти естественные, природные свойства восходят у Лермонтова к прошлому, к патриархальному быту. В наибольшей степени они отразились в стихотворении «Родина». В нем поэт назвал свою любовь к отчизне «странной». Он любит в родине ее природу, ее широту и безбрежность, любит деревенскую жизнь. Здесь живут простые, работающие люди, равнодушные к красоте («с резными ставнями окно»). Он любит деревню, потому что здесь живо согласие людей с природой, между собой, внутри себя и с Богом.

В стихотворении «Пророк» поэт — вестник Бога на земле. Все на земле, всякая живая и неживая «тварь», все силы природы повинуются божественным законам. Лишь города непокорны ему и посланному им возвещать истину поэту-пророку: они не слушают поэта и изгоняют его. Нищета, смирение, покорность высшей воле, служение истине мыслятся здесь трагическим уделом певца, тогда как самолюбие, гордость, корысть, богатство — участью городов и их жителей. Но за это они платят дорогую цену: они отлучены от истины, от Божьего слова, которое возвещается устами поэта-пророка.

Лермонтов раздумывает над тем, почему же поэт «свое утратил назначенье». Причину он видит в корысти («На злато променяв ту власть...»), изменившей мир и людей («Нас тешат блески и обманы; Как ветхая краса, наш ветхий мир привык Морщины прятать под румяны...»). Поэт остался прежним, общество отделилось от поэта, пренебрегло им, его словом. Укором обществу служит согласие поэта с обществом и Богом в старину, когда голос поэта был голосом народа. В конце стихотворения «Поэт», о котором идет речь, возникает уже знакомый мотив мщения за насмешку, за презрение и забвение со стороны «нашего века».

Однако Лермонтов не только романтически противопоставляет поэта и «толпу», он вглядывается в «толпу» и замечает, что в ней нет человека, «не измятого» «тяжелой пыткой» («Не верь себе»). Он отчасти соглашается с людьми, которые упрекают поэта-мечтателя в том, что он, погруженный в свои переживания, не проявил интереса к ее суровой жизни и мало знал о ее чувствах. Вследствие этого позиция героя-избранника утрачивает черты былой исключительности и все более осмысливается как неизбежная трагедия, порожденная самим ходом исторического развития общества. Мотивы лирики своеобразно преломляются в поэмах Лермонтова.